

Среди литераторов бытует мнение: чтобы точно уловить пульс времени, надо постоянно читать современную поэзию. Думаю, эта установка применима к творчеству таких поэтов, как Геннадий Иванов: гражданственным, религиозным, философичным, с тонким чувством природы и хорошей интуицией. Поэтам, у которых время стучит в висках, обретая емкие поэтические формулировки.

*Для России открылся Господь в эти годы.
Может быть, потому, что стучится война...
Перебрали, как водки, мы нашей свободы,
Вопиет наша совесть и наша вина.
Времена наступают трезвесть и собраться.
Времена наступают молиться – и в бой.
Мы для Бога еще не потеряны, братцы.
Поднимайся, рязанский мужик и тверской...
Так писал Иванов еще 27 декабря 2015 года: в тот давний день, когда уже начали развертываться боевые действия в Донбассе. В день, когда в поселке Коминтернов фашисты обстреляли инспекционную группу ОБСЕ и совместного центра контроля над прекращением огня в Донбассе. Дар предвидения помог завершить это стихотворение такими строками:*

*Мне суровым и грозным являющееся видится.
Наступает безжалостный срок.
Быть может, в случае с Геннадием Ивановым умение уловить пульс времени способствует и то, что этот человек всегда в гуще жизни: выходец из сельской глубинки, он давно работает в Москве в Союзе писателей России, встречается с массой людей, ездит по стране, многое видит и обдумывает многое, вызывающее у него поэтический отклик.*

Перед нами поэт, которому дано лучше всего выразить себя на небольшом поэтическом пространстве, позволяющем ему точно и емко запечатлеть интуитивные прозрения, лирико-эстетические переживания, философскую рефлексию. А если объем получается больше, то нередко стихотворение проигрывает.

Алла БОЛЬШАКОВА «Здесь жизнь не должна умирать!»

В кратких же стихотворных формах (из одной-четырёх строк) он может импульсивно выразить неожиданное впечатление, мгновенно зафиксировать внезапную мысль, чувство. Порою такое внезапное впечатление – в особенности навянное природой – перерастает в философское раздумье о смысле

жизни и смерти, как в стихотворении «Память»:

*Тёплый ветер прогибает поле –
По цветам бежит и по пшенице.
Годы... годы... я уже без боли
Вспоминаю канувшие лица.
В мире зримом стёрты их морщины,
В мире зримом стёрты их улыбки.
То, что было жизнью и кручиной,
Стало где-то новым полем зыбким.
И в незримом мараеве и свете
Что-то и цветёт и колосится.
Наша память – это тёплый ветер.
По цветам бежит и по пшенице...*

В подобных эгегических раздумьях Иванова торжествует идея вечного возрождения Жизни в природном круговороте. С поэтической точки зрения, идея эта обретает выражение через природные символы: образы поля, цветов, пшеницы, теплого животворного ветра... Вот лица безвозвратно, кажется, потерянных преобразуются в «новое поле» – но отнюдь не без участия помнящих о них. Ведь именно память об ушедших дарует оживляющую их силу.

Философия житиетворения черпает в душе поэта опору в религиозном, православном мировоззрении – потому в стихах Геннадия Иванова, что несомненно выделяет его в нынешнем литературном процессе, преобладают мотивы просветления, преодоления уныния, ссоры, безнадёжности. Константы его бытия, дарящие просветлённую радость жизни, – родина и ее прекрасная природа, вера христианская, семья: «Снег, Россия, внучка – благодать».

Жизнь и смерть, человеческая бренность и вечный круговорот умирания и возрождения – вот свод тем, подвигающих лирического героя Геннадия Иванова на неглекые раздумья и сущностные выводы. Сверхустремление его поэзии – прикосновение к таинству Бытия, познаваемое божественной интуицией и по-

тому дарующее силу преодолеть страх смерти. Так в стихотворении «Со мною разговаривает рождь» устно бранных людей уподобляется срезанным в жатву колосьям. Но страх окончательности перекрывается сверхзнанием таинства Бытия: высшего смысла существования всего живого на земле, несмотря на краткие жизненные сроки.

*И вспомнилось
из Нового Завета –
Что мы колосья тоже,
и придёт*

*Великий срок
последней самой жатвы,
Снопцы свезут
на Божий Обмолот,
И будет всё,
о чём писали жадно.
И будет всё,
о чём писали впрок,
Что страшно,
и таинственно, и дивно.
Но так должно быть.*

*Милосерден Бог.
Мука и мука – это неразрывно.
Подобные умонстроения рождают и сверхисторический взгляд, позволяющий поэту судить события XX века с надмирной точки зрения. Так в стихотворении, написанном на Покров Пресвятой Богородицы, торжествует идея высших сил и смыслов, позволяющих утилитарно скорбную память о братоубийственной войне гражданской войны, символ которой здесь – погребённый ров с останками ее жертв, белых и красных.*

Подобные умонстроения рождают и сверхисторический взгляд, позволяющий поэту судить события XX века с надмирной точки зрения. Так в стихотворении, написанном на Покров Пресвятой Богородицы, торжествует идея высших сил и смыслов, позволяющих утилитарно скорбную память о братоубийственной войне гражданской войны, символ которой здесь – погребённый ров с останками ее жертв, белых и красных.

О поэзии Геннадия Иванова

*Совершается тайна нелегкая –
Над Россией великий Покров.
Не горюй, моя родина вешняя,
Мы засыплем погребённый ров.
Образ Родины для этого поэта озарен негасимым светом высшего предназначения, хранящим её в разъятой катастрофы действительности:
Родина... Замысел Божий,
Что ото всех утаен.*

Вера становится основой духовного просветления и преодоления окончательности земных сроков. Вот почему так остро чувствует поэта душа чарующую благодать и богоданность мироздания. Отсюда – и редкий дар Геннадия Иванова преодолевать уже не разноцветную, а гнетущую сложность нынешней реальности – простыми и неизменно радостными ликами природы ли, человека. Умение уподобить человеческое состояние природному явлению и в этом узреть красоту и гармонию реальности. Ведь «радость великая здесь происходит из малости»...

Вот простенькая и трогательная зарисовка «Стрекоза» о малом создании, что глядит на другое божье создание чудными бирюзовыми глазами, и звоном, треском своим загадочным словно бы пытается донести до человека скрытый смысл вещей.

*И трещала не напрасно.
Я взглянул в её глаза
И сказал: «А ты прекрасна,
Ты прекрасна, стрекоза!»
Восхищение Красотой властвует в стихах Геннадия Иванова о женщине, жене, озаряя бытовые явления ярким светом любящей души, счастливой просто оттого, что любит – без мучительных рефлексий и губительной тоски: «Солнце в небе Наталья в окне».*

*Жена с утра воркует,
Воркует и поет.
Жена с утра ликует
И завтрак подает.
А вы мне: жизнь напрасна.
А вы мне: жизнь пуста.
Я знаю: жизнь прекрасна,
Как ягода с куста!*

Подобное умение видеть вечное в бытовом, большое в малом сближает Геннадия Иванова, выходящего из села, с русской деревенской прозой XX века: «Всё прекрасное. Всё не вечное, / Но прекрасное всё равно...». Такова природа, такова «деревня – опора нации, / Исчезающая, увы».

Где же, где же эти прятки?
Так уж было суждено –
Прятки на небе давно...
Здесь и прощание со светлым прошлым аграрной России, преобразованной стальным XX-м веком в индустриальную сверхдержаву, и обращение к идее плодородия, символом которого исконно в народной эстетике были прятки. Символом, в поэтической реальности Геннадия Иванова обретающим значение духовного наследования, наращивания

эстетических смыслов. Сходные мотивы, возвышающие светлый мир народной традиции, слышатся в посвященном Белову стихотворении, названном в честь его родной деревни Тимоники. Здесь символю культурной памяти становятся образы высоко летящих над избой птиц. Здесь же, в просветлении памятью и народной традицией, – опора для душевного равновесия, умиротворения мечущейся души современного человека.

*На свете белом, на небе ли –
Отрада в душе и покой!
Тимониха. Белые лебеди
Летят над беловской избой!*
Так начинается это знаковое стихотворение, а завершается утверждением ключевой для Геннадия Иванова идеи житиетворения: «И птицы летели, как символы: / Здесь жизнь не должна умирать».

В итоге эстетизация народной традиции на основе утраченной общности становится для поэта основой для создания своего, альтернативного расколотой реальности, мира вечного праздника жизни: «Давай до конца уж придумаем счастье», – презит лирический герой Иванова, пытаясь реконструировать силой памяти «краешек... того, что угасло», счастливую крестьянского мироздания. Баснословные времена распути-ской Матёры, что «нынче неведомо где-то. / И всё колосилось, и пело, и жило – / И всё было празднично, дружно и мило».

*Крестьяне, народ наш и праздники жизни,
И труд как подарок любимой Отчизне.
И пусть сама по себе воскресшая на поэтическом холсте трудовая идиллия остается лишь иллюзией, смысл её – в передаче национальных идеалов грядущим поколениям, сыну и чудесной внучке, которым достался в удел труд по преодолению исторических ошибок и цивилизационных разломов прошлого...*

Закончить этот краткий очерк о поэтическом мире одного из интересных стихотворцев хочется его вещами строками:

*Надвигаются белые сроки,
Надвигается холод и мала...
Время старческой всякой морочи.
Но – навстречу горят купола!
Но навстречу горят еще зори!
Но навстречу летят снежиры!
Но навстречу – и поле, и море!
И – смотри! И – живи! И – твори!*

Неслучайно в стихотворении о грядущих лен крестьянках поэт, как и писатели-деревенщики, стремится эстетизировать явление в момент его исчезновения. Через обращение к дивным видениям национальной памяти, которая, как в очерках народной эстетики Василия Белова, запечатлела возвышенную суть русской земледельческой цивилизации. Простые народные заделки обретают тут высший смысл, возносятся труд крестьянина-созидателя на незримую, но тайно хранящую культурным бессознательным высоту.

*Где крестьянки
лен прядут?
Только в памяти прядут
Из какого-нибудь хора?
Где в избе
полно народа...
Там крестьянки
лен прядут...*

И развиделось... и снова ведро... А человек стоит. И его обдувает ветер. Кочевой, бешеный; безумный; родной.

*Пусто. Ни крика, ни эха.
Торчат, как обиды,
В поле трава из-под снега
Сиротского вида.
Превозмогая
Терпеньем жестокое время –
Былка сухая,
Давно потерявшая семья.
В звёздные верши
Минушая канула небыль...
Что её держит
Под этим неласковым небом?
Травы и люди...
Мороз пробегаёт по коже:
Как мы, по сути,
По судьбам нелепым похожи!
В этом же поле,
Где ветер гудит, не стихая,
Плчу от боли...
Такая же была сухая.
Этот человек – поэт. Имя его – Виктор Киришин.*

Стопнул он лбом, не боясь, два далёких масштаба. Две жизни, под Солнцем-Луной, под Богом они равно растут-цветут и увядают: травы и человека. Для Господа все едино – что трава, что волчок, скакущий в весеннем лесу, что серебряная рыба, играющая в дикой забитой (а значит, чистой!) реке, что людское сердце: захлёбываясь от непрошенных слёз, бьётся, колотится так неуёмно, так напоследок... И верно, всякий день наш – последний. Ибо мы не знаем часа своего. Никто не знает. И это – благо.

Господи! Благодарю тебя, что есть, есть поэзия. И есть Русские Поэты, что вот так, одиноко, с непокрытой головой, в поле выходят. Под ветер. Под ливень. Под жарптицу, яркое, спелюще-горящее звёздное небо.

Да, поэт издревле измеряется каратами звёздного света. А ещё – жесткостью камня. А ещё – вольно льющейся водой: в жажду – лови воду-жизнь губами, пригоршню жадно подставляй!

*Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня, музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.*

Природа, вот что благословляет Виктора Киришина на поэзию. На вольную песню. На высокое, подчас скорбное раздумье. А природа есть Бог. Мы тысячелетия напролёт пытаемся разгадать тайну природы: как она сотворена, меняется или держит марку неизменности и великой памяти, живут ли внутри неё Добро

и Зло, или она свободно обходится без этой людской символической морали, без этой древней, пусть даже и библейской, бытийной, заповеди? Веками спорим мы, до хрипоты, о границах нравственности и морали.

Но тревога!.. Но какая же неизлечимая тревога!..
Внутри мгновенно исчезающей минуты, секунды...
Внутри этого спокойного, раздумчивого, часто распевного стиха, стиха-песни, стиха – тайной молитвы...

Да, вся поэзия – песня и молитва, здесь, склоняясь над стихами Виктора Киришина, с поступалом, почти сто лет назад высказанным Мариной Цветаевой, соглашаешься счастливо и благодарно...

*Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна и Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...
Примеряют белые одежды
Улочки, бегающие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразучены в каждом городке.
Свят покров над пахотью и пашей.
Шепчут убуи: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно. Предзимье на Руси.*

Маленькие наши, все щедро усаженные, как медный оклад иконы – сканью, избыточно украшенные нежными храмами городки и городочки... наше дивное небо, цвета весенних колокольчиков, цвета праздничного плаща Пречистой Богородицы, что вот-вот прольется слезами сумасшедшего слепого дождя на тихую землю нашу, тоже до рыдания родную, да кровь и жизнь не жаль за неё, родимую, до капли отдать... а почему думы о грядущем так выворачивают душу, так отжимают ее досуха – так баба отжимает на реке белье... Где обещание счастья? Да полно, есть ли оно?

Наше счастье – холод. Осень. Резкая синева. Чутунные кандалы, а иной раз серебряные цаты царственного зымы.

Всё дышащее, всё живое, спаси, не замерзни, не умри, двайгись, плещись, лети, отзовись!..

*Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту –
Слово рыбе, зверино, птичьё,
Словно кость, застревает во рту.
Снова древнюю книгу листаю,
Чей волноушый запах знаком!
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!*

Виктор Киришин по этому предзимнему полю, по мерзлой, твердейшей, почти железной этой степной земле идёт вперёд, идет по дороге, проложенной Алексеем Прасоловым, Юрием Кузнецовым, и я, как музыкант, великолепно слышу наследие их интонаций, их криков и шёпотов в текущей, то богато изукрашенной, то скупо-прозрачной словесной вязи его стихотворений, рождённых строго-космично, под крылом предвечной гармонии. И это ведь так и надо, чтобы поэт шёл дальше и выше; а ещё – чтобы он однажды возвратился к воде ключевой детства, к песне материнской рождения. Тогда исход становится истоком.

А кто перемешал нам времена?
Да есть ли Время? Может быть, оно – выдумка человека, что так не желает уходить с родной земли, пусть острые камни, тернии и волтыжи впадают в живую плоть и в плывущую душу, а у Господа, там, в надзвёздных чертогах, никакого

Вот она мощь и переключка образов, вызывающих закономерный интерес к русской культуре древности и не только. Ведь без прошлого нет современности. Но что это за волк, уже появившийся у Александра Орлова и тоже заставляющий трепетать от дикого страха, пробуждая первородный инстинкт самосохранения? Да, вы не ошиблись, перед нами – человек-оборотень, принимающий волчий облик, сопряжённый со

«Я сын –
Русь языческая

странным раздвоением-разделением. Почему такое же тревожное чувство вызывает и произведение «Волкодлак»? Мы не просто видим поэтический образ-аллегория: мы слышим само дыхание древнеславянского зверя, наглядно воплощающего языческие символы. Имя этому зверю – наше трагическое время, что длится давно,

с конца девятнадцатого столетия, весь трагизм которого наиболее остро ощущается теперь, в начале третьего тысячелетия. Что делать нам, потерпевшимся во времени? Мы принимаем исповедь автора-героя, которая, что поразительно, говорит не о его ликующих победах, а о страшных смертных грехах. Кроме того, испытываем невероятный эмоциональный накал, проникаемся уверенностью каждого изречённого слова, определяющего качество любого поэтического творчества. Сейчас в эпоху скоротечных массовых коммуникаций, эпоху курто изменчивости нравственных и духовных ориентиров, всё не так – пишу стихи, значит поэт, значит участвую, выступаю, транслирую, публикую. Принято считать, что этого вполне достаточно. Учитывая нынешний упадок мифологической традиции, Александр Владимирович Орлов как профессиональный поэт-историк доказывает обратное – новаторство в искусстве должно иметь своим фоном старину. Он является автором семи стихотворных книг и трёх книг малой прозы, лауреатом многочисленных всероссийских и международных литературных премий, обладателем почётных наград «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017).

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...

...И выплес я из бурой шкуры,
И триптист свои клыки.
Но выху я вослед прыщур –
И сводит ночью жевалки.
В письме к тебе, далёкий схмник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставил на снегу...